

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.26
УДК 334.713
ББК 63.3(2)613

С.А. СЕМИНА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ДИКИХ» АРТЕЛЕЙ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Анализируются социально-экономические особенности развития Иркутской губернии в условиях нэпа, которые привели к оживлению частного предпринимательства и появлению «диких» артелей; а также политика руководства, направленная на вытеснение частного производителя из мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

Ключевые слова: промысловая кооперация, товарищество, артель, промысловый союз, кустарь, ремесленник.

S.A. SEMINA

ON THE ACTIVITIES OF THE «SPONTANEOUS» COOPERATIVES IN IRKUTSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

The article analyzes the socio-economic features of the development of the Irkutsk province in the conditions of New Economic Policy, which led to the revival of private entrepreneurship and the emergence of «spontaneous» cooperatives; as well as management policy aimed at displacing private producers from the small and handicraft industry.

Keywords: trade cooperation, partnership, cooperative, trade union, handicraftsman, craftsman.

В годы нэпа экономическая политика государства строилась на признании рыночных отношений. Провозглашение одного из компонентов рыночной экономики — свободного обмена, способствовало активизации торговых отношений, к которым неизбежно привлекались государственные и кооперативные объединения. Легализация товарно-денежных механизмов неизбежно влекла за собой сложную сеть взаимоотношений между отдельными кустарями, кооперативными артелями и государственными организациями.

Развитию торговли способствовало снятие еще в 1922 г. запрета на открытие ярмарок. В связи с этим, к концу 1923 г. потребление продукции кустарей и ремесленников увеличилось до 80 %, на товары промышленного производства спрос достигал 20 %. Особенно ощутимо это стало проявляться в период назревания «кризиса сбыта», когда изделия, произведенные в городе, не находили своих основных потребителей, сельских жителей. Найти покупателя для промышленных товаров могла только кооперация.

В 1925 г. на территории Иркутской губернии был образован губернский промыслово-кооперативный союз охотников, а также промысловый союз рыбацких и интегральных кооперативов, который занимался снабжением рыбаков принадлежностями ловли, арендой рыболовных угодий и их охраной. А в 1926 г. возник Иркутский кооперативный кустарно-промысловый союз (Ирпромсоюз). Одним из направлений деятельности промсоюзов было кооперирование кустарей и ремесленников периферии. Именно на этом этапе возникал ряд трудностей.

Слабая связь кооперации с местным рынком, отсутствие государственного снабжения и сбыта, совершенно недостаточное участие потребителя в работе кооперации, чрезмерная дороговизна и неудачный подбор товаров давали преимущества частной торговле. Огромное преобладание, особенно в городах, частной торговли было преобладающим — более 80 %.

Таблица 1

Соотношение отдельных видов торговли за 1925–1926 гг., %

Расположение предприятий	Торговля		
	государственная	кооперативная	частная
В г. Иркутске из 1367 предприятий	7,0	3,5	89,5
В прочих городах губернии из 794 заведений	5,5	12,2	82,3
В сельской местности из 1050 предприятий	9,0	38,0	53,0

Составлено по: 1, оп. 1, д. 782, л. 2.

Основной базой для приобретения сырья многих кустарно-промысловых артелей также являлся местный рынок, т.е. сырье приобреталось не по генеральным договорам с заготовителями, а по сделкам с частными торговцами.

Финансовая слабость промысловых кооперативов на первых порах приводила к зависимости от частного скупщика и вынуждала прибегать к его посредничеству. Например, в 1925 г. всего 19,32 % кооперативов сбывали свою продукцию через Ирпромсоюз, через прочие конторы — 41,4 % [1, оп. 1, д. 781, л. 28 об.]. Большинство торговых предприятий деревни находились в руках частных владельцев, что говорило об организационной слабости зарождающейся кооперации.

Таким образом, потребитель продуктов кустарного производства был почти всегда известен — это заказчик, он же являлся и поставщиком материала. Стоимость продукции таких кустарей на 80 % определялась стоимостью сырья заказчика и на 20 % заработком кустаря [8, с. 96].

Появление частников-скупщиков привело к широкому распространению системы квартирничества — раздачи кустарям заказов на дом и организации фиктивных артелей в целях получения налоговых льгот. Частник, получая в финансовом отделе патент 1-го разряда (как не имеющий, кроме двух-трех подростков, наемной рабочей силы), в то же время организовывал производство экономически зависимых от него кустарей-одиночек. Все они фактически являлись наемными рабочими, работали по заказу хозяина, его инструментом, использовали его сырье. Он же организовывал сбыт продукции, сосредотачивал у себя продукцию других, хотя и менее зависимых от него, но экономически слабых одиночек. Вывеска кустаря нужна была такому предпринимателю не только для получения высокой прибыли, но и для уклонения от уплаты налогов и соблюдения трудового законодательства.

Как известно, в отношении зажиточных слоев населения в первые годы нэпа политика государства строилась на предоставлении им некоторых экономических свобод. Однако во второй половине 1920-х гг. решающим направлением становится постепенное изживание этой социальной верхушки. В первую очередь власти решили ущемить их положение в области налогового законодательства. Так, налоговая политика Иркутской губернии в 1925–1926 гг. была направлена на сокращение зажиточных хозяйств. Размер сельскохозяйственного налога для кулаков был в 17,5 раза выше, чем у бедняков. В отношении частного кустарного производства правительство также шло на всевозможные поборы. Размеры изъятий нетрудовых доходов в частных предприятиях за 1926–1927 гг. составляли с 30 до 45 %. Несколько ранее был увеличен промысловый налог, который в среднем был в 2–2,4 раза выше для частных предприятий по сравнению с государственными и кооперативными [1, оп. 1, д. 781, л. 35].

Преимущества в выдаче заказов, обеспечении сырьем, аренде помещений, организации сбытовых операций давали возможность многим частным предпринимателям выдавать свою деятельность за кооперативную. Например, под вывеской кооперативной артели скрывались частные предприниматели пимокатной артели «Волга», а бывший вла-

делец фабрики Комаров стал ее председателем. Он сдал в аренду свой инвентарь, пустил в ход свой капитал. Рабочий день в артели длился 14 часов, отсутствовала охрана труда [7]. Рютинская артель по производству кожевенных изделий также состояла из членов одной семьи во главе с Копылевичем, он же являлся владельцем кожевенного завода при артели [2, оп. 1, д. 359, л. 2].

Частные предприниматели, организуя артель, не спешили входить в промысловый союз. Основная масса вовлеченных в кооперирование кустарей была заинтересована только в приобретении сырья от союза, а сбытовые и производственные операции предпочитала вести самостоятельно. Например, в 1925 г. промысловая кооперация губернии объединяла 15 % кооперативов, а 451 артель не входила в систему союзов, предпочитала вести частную производственную деятельность [9, с. 131]. Для многих из них промысловый союз являлся ограничением хозяйственных и экономических свобод.

Владельцам мелких частных предприятий предстояло сделать выбор: либо за широкий набор услуг производить отчисления в пользу промысловых союзов, либо вместо этих отчислений на свой страх и риск производить сбыто-снабженческие операции, получая максимальную прибыль или терпя финансовый крах. Такие артели относились к категории «диких». Их организовывали бывшие предприниматели и торговцы. Формы их участия в деятельности промысловых артелей были очень разнообразными. Часть из них под видом кооперативной артели продолжала вести частную производственную деятельность, другие занимались сдачей в аренду под большие проценты оборудования, помещений и средств производства, участвуя в снабжении и посредничестве бытовых операций. Личное участие таких предпринимателей выражалось в осуществлении ими функций руководителей и администраторов артелей.

Так, в докладе инструктора потребительской кооперации Ирсоюза О.Е. Красницкого «О положении кустарно-промысловых и сельскохозяйственных артелей Балаганского района Иргубсоюза» отмечалось, что многие из обследованных артелей не имели устава, следовательно, не были зарегистрированы. Большинство из них не вели финансовой отчетности, в результате чего было сложно судить об их торговой и производственной деятельности. К таким артелям относилась Яндинская трудовая артель мыловаров. Она не вела отчетности, не имела устава и не была включена в список подлежащих обследованию артелей [2, оп. 1, д. 359, л. 1].

В 1927 г. Иркутским отделением Рабоче-крестьянской инспекции было проведено обследование 15 из 22 кустарно-промысловых артелей. Оно показало, что в 6 из них председателями являлись бывшие торговцы, в 5 они входили в состав правлений и фактически руководили ими, так как владели основной частью средств производства [1, оп. 1, д. 781,

л. 28, 36]. Так, Быстров до 1926 г. имел собственную хорошо оборудованную конфетную фабрику. В результате начала работы государственной конфетной фабрики и усиления налогового нажима был вынужден закрыть предприятие. Через некоторое время Быстров организовал кооперативную артель «Пищевкус». В правление артели кроме него входила его жена, частники Василенко с женой и Стародумов [5, оп. 1, д. 1072, л. 54]. В кооперативной артели «Карамельщик» предприниматели Кац, Фромберг сдавали в эксплуатацию за определенный процент свои машины и инвентарь. Когда артель испытывала финансовые трудности, Фромберг давал артели крупные суммы денег. Так же обстояло дело и в других обследованных артелях — «Кондитер», «Пряничник», «Трикотажник».

Также, проведенными ревизионными обследованиями установлено, что в Иркутском округе на 1 июля 1927 г. из всех существовавших кустарно-промысловых артелей 41,3 % являлись «дикими» [1, оп. 1, д. 781, л. 28, 36; 4, оп. 1, д. 201, л. 173].

В отношении производственного кооперирования многие владельцы кустарно-промышленных заведений предпочитали занимать выжидательную позицию или же участвовать в кустарно-кредитной кооперации. Здесь им представлялись возможности организации свободного сбыто-обмена. Однако часто в таких артелях не соблюдались кооперативные принципы работы.

Ярким примером подобной деятельности служит Зиминское кустарное кредитное товарищество, образованное в 1928 г. В его состав из 200 членов входило 148 кустарей-одиночек и всего 10 самостоятельных артелей [5, оп. 1, д. 1072, л. 126]. Товарищество имело собственные производства и кузницу. Акты обследований товарищества обнаружили несколько нарушений. Общих собраний оно не вело, протоколы составлялись только председателем правления Патокиным и членом правления Ляпуновым (он же и бухгалтер). Члены артелей Зиминского товарищества совершенно не были знакомы с принципами, целями и задачами организации промысловых артелей. Многие из них не имели понятия о регистрации, страховании, твердых ценах на свои товары. Продукцию зачастую сдавали на рынок или местным потребителям на заказ [5, оп. 1, д. 1072, л. 137].

Таким образом, основная масса кустарей-одиночек и ремесленников губернии не спешила связывать отношения с промысловой кооперацией. Отчасти объяснялось это исторически сложившейся значимостью кустарно-промысловой деятельности в экономической жизни региона, спецификой ряда производств, исключающих возможность кооперативного объединения, менталитетом кустарей и т.п.

Зависимость заготовительных операций кустарной промышленности от частных лиц также сильно осложняла объединение промысловиков. В 1927 г. в Иркутской губернии более 70 % кустарей оставались вне

кооперирования. Однако «гонения» на частное производство и зажиточные хозяйства, а также система мер, направленная на стимулирование именно кооперативной, легальной деятельности привели к сокращению удельного веса «диких» артелей губернии в 1928 г. до 22,6 %, а количество занятых в них лиц уменьшилось почти в 11 раз (с 636 до 50 человек) [4, оп. 1, д. 201, л. 173]. На 1928 г. было зарегистрировано 168 промысловых артелей, из них ликвидировано 35, среди которых 27 были отнесены к категории «диких» [3, оп. 1, д. 235, л. 3]. К 1930 г. влияние промыслового союза распространялось на 40,8 % некооперированных предприятий кустарей, работающих на заказ и на сырье скупщиков. Все они оказались связанными с промысловой кооперацией [6, с. 13].

Таким образом, с утверждением нэпа государство лишь ослабило, но не прекратило регулирование хозяйственно-экономических процессов в стране. Временное восстановление посреднических и торговых функций в области производственного кооперирования параллельно дополнялось внедрением системы государственного планирования и контроля над хозяйственной деятельностью предприятий и кооперативов разного уровня. Пристальное внимание центральные кооперативные органы обращали на «дикие» артели и лжекооперативы. В целях пресечения лжекооперативной деятельности начали широко практиковаться ревизии социального состава кооперативов. Фиктивными или некооперативными стали считаться не только те, которые были связаны с частным капиталом и возглавлялись бывшими хозяевами, но и те, которые искусственно устанавливали вступительный пай. Систематические проверки социального состава артелей способствовали постепенному вытеснению частного производителя из мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

Близилось завершение нэпа, усиливалось вмешательство государства во внутренние дела кооперативов. Страна вступила в стадию ускоренной индустриализации. В конце 1920-х гг. правительством был принят курс на массовое кооперирование кустарей и ремесленников с преимущественным производственным уклоном.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-11 (Фонд Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции и ее уполномоченных по уездам. 1920–1926 гг.).
2. ГАИО — Ф. р-312 (Фонд Иркутского окружного отдела местного хозяйства. 1926–1930 гг.).
3. ГАИО. — Ф. р-222 (Фонд Иркутского губернского союза кооперативов («Иргубсоюз»). 1916–1930 гг.).
4. ГАИО. — Ф. р-836 (Фонд Иркутского окружного отделения Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. 1927–1930 гг.) — Оп. 1 — Д. 201.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. р-16 (Фонд Иркутского окружного комитета ВКП(б). 1926–1930 гг.)

6. Вильрат В. Г. Мелкая промышленность 13 районов Восточно-Сибирского края / В. Г. Вильрат, Г. Н. Дробышева. — Иркутск, 1930. — 104 с.

7. Власть труда. — 1927. — 12 июня.

8. Соколов М. П. Сельские кустари Восточно-Сибирских округов (по обследованию 1925 г.) / М. П. Соколов, А. Т. Самохин. — Иркутск, 1927. — 122 с.

9. Угроватов А. Г. Промысловая кооперация в 20-е годы / А. Г. Угроватов // ЭКО. — 1993. — № 2. — С. 126–137.

Информация об авторе

Семина Снежана Александровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а; e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru

Author

Shezhana A. Semina — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a Baikalskaya St., 664057, Irkutsk, Russia; e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru